

Меня били за то, за что сегодня превозносят

Культура. — 2004. — 7 июля. — С. 13

В редакцию пришло письмо, поводом к написанию которого послужило не так давно опубликованное на наших страницах интервью со знаменитым скрипачом М. Венгеровым, точнее, то, что там говорится о педагоге Максима Захаре Броне. Мы решили опубликовать это письмо вместе с интервью, которое нашему корреспонденту удалось взять у З. Брона во время его недавнего визита в Москву.

Всем педагогам известно, как больно бывает, когда ученики, в которых вкладываешь душу, отвечают черной неблагодарностью. И тем более болезненной становится ситуация, когда учеником оказывается человек, имеющий возможность свою черную неблагодарность обнародовать на страницах прессы.

Именно такие мысли пришли мне на ум при прочтении в целом очень

интересного интервью, в котором музыкант, однако, не находит ни одного доброго слова для своего педагога, выдающегося музыканта и педагога Захара Брона.

А Захар Брон — не просто школа, это явление, это целая эпоха в педагогике. И наверное, именно его следовало бы назвать в первую очередь своим учителем, «музыкальным отцом».

Становление М. Венгерова как скрипача происходило на моих глазах. В те годы я заведовал кафедрой струнных инструментов Новосибирской консерватории и, следовательно, был в курсе всего происходившего в скрипичных классах.

Первым педагогом М. Венгерова была Г.С. Турчанинова, прекрасный детский педагог, умеющий найти одаренных детей и дать им школу. Как правило, дальнейшее развитие этих учеников проходило уже под

руководством других педагогов.

М. Венгеров был одаренным скрипачом, хотя ничего, что могло бы предвещать появление одного из лучших скрипачей мира, в его исполнении не просматривалось. Однако это стало все убедительнее проявляться в период его учебы в классе З. Брона.

Ушел из класса Г.С. Турчаниновой Максим в ситуации не очень красивой: со скандалом, глубоко ранив своего педагога. Поступок не самый благовидный в жизни вундеркинда!

Но вот дальнейшее развитие Максима шло так интенсивно, такими фантастическими темпами, какими это возможно только в классе З. Брона. Это был взлет: он стал победителем целого ряда самых престижных конкурсов, обрел мировую известность. И все это время рядом был Захар Брон.

Не знаю, сумел ли Максим найти

слова благодарности своему педагогу при расставании. Но если и нашел, то теперь их начисто забыл. Как забыл и то, что все его рассуждения о пении на скрипке — это не только плод его приобщения к вокалу, но и то, чему его много лет ежедневно учил Захар Брон.

Опасные симптомы. Такая «забывчивость» создает в личности червоточину, которая неизбежно отразится (а возможно, уже отражается) в творчестве.

Поэтому хочется пожелать этому молодому, талантливому музыканту не проявлять забывчивость и более ответственно относиться к тому, что он озвучивает в беседах с корреспондентами.

Ю.Н. МАЗЧЕНКО, профессор Новосибирской государственной консерватории (академии) имени М.И. Глинки

Со скрипачом и педагогом Захаром БРОНОМ мы встретились перед концертом в Доме музыки, в котором принимала участие его юная ученица Майю Кишима (см. «Культура» № 23). Я представлял себе этого человека-легенду эталонным сединами патриарха, в чем честно и признался при знакомстве. Между тем знаменитого «делателя звезд» и пожилым-то не назовешь, тем более что ему нет еще и шестидесяти. Естественно, первый вопрос был о том, сколь рано маэстро ощутил в себе призвание к педагогике и не мешало ли это его сольной карьере.

— Существовала когда-то такая псевдотрадиция: все, кто учился в консерваториях, особенно центральных, готовили себя исключительно в солисты. Те же, у кого это не получалось, шли в оркестры. Ну а те, кому и это не удавалось, шли в педагогику. Так педагогика и обесценивалась.

Я учился в свое время в знаменитой музыкальной школе Столярского в Одессе у Артура Зюссермана. Затем, приехав десятилетним мальчиком в Москву, я шесть лет учился в классе легендарного скрипача Буси Гольштейна, потом занимался у Давида Ойстраха, а закончил консерваторию и аспирантуру в классе Игоря Ойстраха. За это время я стал лауреатом крупнейших международных конкурсов — таких как Генрика Венявского в Познани и Королевы Елизаветы в Брюсселе. Я и сейчас играю много концертов, и многие фирмы мира записывают мои диски. Но уже со студенческой скамьи, и особенно в аспирантуре, меня очень тянуло в педагогику, и не просто тянуло, но у меня были какие-то свои идеи, которые я потом осуществил. Я ведь в Новосибирск поехал по распределению специально, чтобы проверить их на практике. Я думал, что пробуду там год-два, но меня окружили там такие люди, как еще и поныне действующий ректор консерватории и некоторые другие, которые поверили в мои идеи. В результате я до сих пор помогаю Новосибирску. И мне тогда действительно удалось создать новую систему воспитания молодого инструменталиста и музыканта. И первым в эту экспериментальную жилку попал знаменитый сейчас уже во всем мире Вадик Репин. Ко мне в класс он пришел шестилетним ребенком и учился почти пятнадцать лет. С 84 года по 91-й у меня в классе занимался Максим Венгеров. На сегодняшний день мои ученики завоевали примерно около 170 премий различных международных конкурсов, из них около 90 первых. Разумеется, это не самое главное, хотя, конечно, для музыканта, особенно для педагога, большое счастье получить признание еще при жизни. Обычно педагогические достижения признаются уже после...

Можно вспомнить, например, школу Ауэра... И между прочим, то, за что меня сегодня превозносят, из-за чего ко мне со всего мира съезжаются — именно из-за этого меня в свое время били очень сильно, что, конечно,

тоже было хорошей закалкой.

— Среди этого огромного количества лауреатов кто, на ваш взгляд, стал действительно серьезным музыкантом, художником — ведь очень многих лауреатов забывают буквально на следующий день после конкурса.

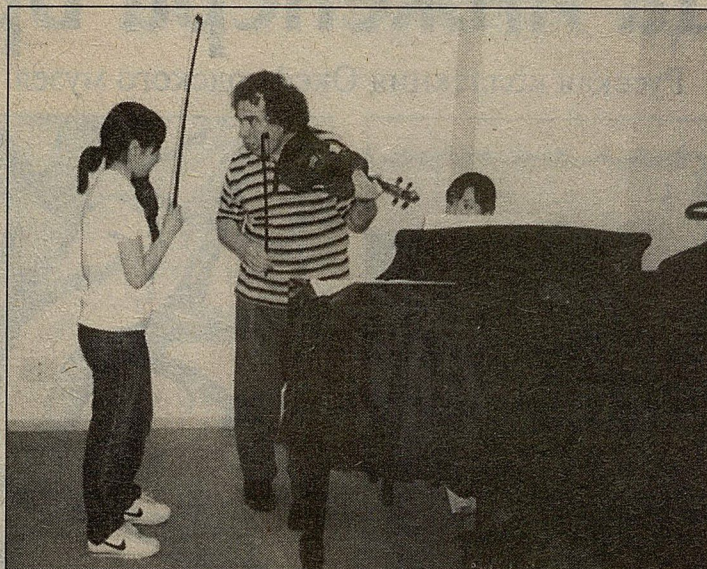
— Безусловно. Уже сейчас можно сказать, что к мировой элите в этой генерации относятся и Вадим Репин, и Максим Венгеров, и Наталья Прищепенко, и последняя победительница конкурса Чайковского Томаки Кавакуба. Особо хочу выделить играющую сегодня в этом концерте 17-летнюю Майю Кишиму. В октябре прошлого года ее услышал Мстислав Ростропович и сказал: я ничего подобного в жизни не слышал. И это не просто слова, поскольку он уже организовал начиная с февраля будущего года одиннадцать совместных с ней концертов по всему миру. Много имен можно еще назвать, причем не только солистов. В числе моих нынешних и бывших учеников есть также концертмейстеры крупнейших мировых оркестров. Например, первый концертмейстер Мюнхенской Оперы Игорь Малиновский, Цюрихской Оперы — Ханна Вайнмайстер, в Бетховенском оркестре в Бонне первый концертмейстер Михаил Овруцкий. Они все — тоже лауреаты конкурсов. Очень многие мои ученики активно занимаются педагогикой...

— Где вы сейчас постоянно работаете?

— Постоянно — в Кельне. Еще у меня постоянные классы в Цюрихе и в Мадриде. Также в Японии и Швеции на уровне семинаров постоянно действуют две академии моего имени. Ну плюс концерты и мастер-классы во всем мире.

— Насколько я знаю, вас несколько покорило недавнее интервью Максима Венгерова в нашей газете...

— Там было немало странных вещей. Естественно, каждый человек имеет право высказывать свое мнение по любому поводу, и я не буду вдаваться, например, в детали про-

З. Брон на уроке с М. Кишимой

исхождения каких-то там географических названий или в то, что он считает звуком или не звуком. Но вот пассаж, связанный с историей его переезда в Новосибирск, вызвал у меня чувство досады и даже некоторой обиды. И не потому, что правду больно слушать, а наоборот, потому что элементарной правде исторической это как раз не соответствует. Я бы не стал поднимать этот вопрос, если бы некоторые мои коллеги, которые были очевидцами всей истории, сами ко мне не обратились.

Вообще очень интересно все сложилось. Я первый раз вступил на сибирскую землю в августе 74 года. И в том же августе родился Максим Венгеров. Его отец был первым гобоистом в оркестре Новосибирской филармонии, и еще когда Максим был совсем грудным ребенком, уже тогда его отец обращался ко мне по поводу будущего сына. Однако мама Максима решила иначе, и он поступил в класс Галины Степановны Турчаниновой, которая в то время работала в Новосибирске, и потом вместе с ней переехал в Москву в ЦМШ. К сожалению, после нескольких лет учебы в Москве он пришел к довольно плачевным результатам, что можно было наблюдать, когда он приезжал с концертами в Новосибирск. Да и в Москве отзывы о нем были не слишком благоприятными. И тем не менее, когда я его слушал, то видел в нем ростки большого таланта. И вот в один из дней 84 года у меня раздался телефонный звонок: Максим и его родители просили, чтобы я его взял в свой класс в Новосибирск. Они хотели сделать это тайно от Турчаниновой, и она узнала обо всем только когда ей позвонил я. В общем, получилось не очень красиво. Я думаю, одной из причин было то, что мои ученики к этому времени все увереннее стали заявлять о себе — например, Вадик Репин вышел уже на передовые рубежи, в десятилетнем возрасте получил на конкурсе Венявского первую премию. Это было в 82-м году, и мне тогда пришлось обратиться за помощью к Хренникову, по-

тому что некоторые партийные и министерские деятели перекрыли мне пути для его дальнейшего продвижения. Тихон Николаевич помог. Кстати, потом он помог и Венгерову. Я никогда в жизни не забуду того, что он сделал.

Но вернемся к Максиму. Когда он вновь приехал в Новосибирск, я сделал одну вещь, которую считаю правильной. Я понимал, что если потом он преобразится — а я верил в это, в отличие от многих, — то мне предъявят обвинение, что я забрал уже готового скрипача. И поэтому он сыграл все, что тогда играл на кафедре в консерватории, и это было записано. Впечатление было удручающее, и многие тогда даже не советовали мне его брать. Кстати, эта запись сохранилась. А дальше примерно в течение года я кропотливо с ним занимался 2–3 раза в день. Потому что все то, что сейчас является фирменными чертами его и других моих учеников, — все это у него отсутствовало или было со знаком минус. Это касается и вопросов звучания, и интонации. Особенно у него от природы страдали вкус и чувство меры (это и сейчас иногда проявляется). Но когда он это преодолел, то пошел вперед семимильными шагами. Когда я через два года его представил Москве с Концертом Паганини с Госоркестром под управлением Павла Когана, то тогдашний директор Большого зала, Яков Сперанский, который его помнил по Москве, сказал: ну раз ты Максима научил играть на скрипке, значит, ты хороший педагог. Это, конечно, шутка, но в каждой шутке есть доля шутки. Потом были уже и победа на конкурсах Венявского и Флеша, и выступления с концертами во всем мире...

Из интервью в вашей газете получается, что как бы все его успехи — вопреки мне. Да, я его закрепощал, я не позволял развиваться в сторону непрофессионального звучания, непрофессиональной интонации и дурного вкуса — это я ему запрещал. Поэтому он вырос в очень хорошего исполнителя.

— Согласны ли вы, кстати, с тем, что его сегодня позиционируют как едва ли не первого скрипача мира?

— Его позиционируют скорее как самого высокооплачиваемого, что не одно и то же. Он — исключительно одаренный человек и, безусловно, один из лучших в этой генерации. Если он будет все время следить за собой и, учитывая его пристрастие к всяким шоу на сцене, сдерживать некоторые свои наклонности, чреватые дурновкусием, то он, конечно, и дальше будет расти. Если бы еще к его одаренности да чуть побольше порядочности...

А что касается того, кто первый в мире... По мнению Ростроповича, к примеру, Майю Кишиму уже сейчас играет лучше Максима Венгерова. Вообще в нашей области невозможно точно сказать, кто первый, кто второй... Это дело вкуса.

Беседу вел Дмитрий МОРОЗОВ